СКАЗКА

о

бѣдномъ Кузѣ–безталанной головѣ и о переметчикѣ Будунтаѣ.

«А что, ребята, какой нынѣ у насъ день? кто скажетъ, не заглядывая въ святцы, не справляясь у церковника нашего, ни у тещи его, у просвирни?»

— А нынѣ трынка–волынка–гудокъ, прялка–моталка–валекъ, да матери ихъ Софіи, — отвѣчалъ косолапый Терешка облизываясь.

«А коли такъ,» молвилъ сватъ, «коли праздникъ, то видно быть тому дѣлу такъ: чтобъ не согрѣшить, не ухватиться отъ бездѣлья за дѣло, подите–тка сюда, садитесь на солнышко, въ кружокъ, да кладите головы другъ дружкѣ на колѣни; сами дѣлайте свое, а сами слушайте!..

Жилъ былъ, во землѣ далекой, промежъ чеховъ да ляховъ, старикъ гусляръ, да старуха гуслярка...»

— И страхъ ихъ не беретъ, — сказалъ долгополый церковникъ, проходя мимо нашихъ молодцовъ и подпираясь терновой тросточкой своей, — и страхъ ихъ не беретъ! Хоть бы воскреснаго дня дождались, да и зубоскалили–бъ; такъ нѣтъ, вишь, и въ будень... погоди, вотъ я васъ! — «Не сердись, дядя Агафонычъ,» молвилъ сватъ, «что пути, печенку испортишь; позволь–ка милость твою поспрошать, у васъ коли бываетъ воскресный–этъ день?» — Въ Воскресенье, Антихристы, — гаркнулъ Агафонычъ.

«Анъ въ субботу,» подхватилъ тотъ же молодецъ, «въ субботу передъ Вербнымъ, у насъ бываетъ Лазарево воскресеніе!»

— Вотъ каковъ, и церковника сбилъ да загонялъ — закричали ребята, заливаясь хохотомъ — ай да письмословъ! а раскащикъ продолжалъ: «Жилъ, говорю, старикъ гусляръ, да старуха гуслярка. Спросите вы: что–де за гуслярка, коли онъ игралъ на гусляхъ, а не она? Сами разумные вы, кажись, знаете, что по шерсти собачкѣ кличка бываетъ, а по мужѣ

и жену честятъ; коли мужъ гусляръ, такъ жена, неужто по вашему пономариха? А коли этого про васъ мало, такъ скажу вамъ, молодцамъ молодецкимъ, что и старухѣ намедни прилучилось поиграть на гусляхъ, какъ полѣзла она за рѣшетомъ, да стянула ихъ рядномъ съ полатей — загудѣли сердечные, сказываютъ, вѣчную память по себѣ пропѣли, да и смолкли.

До этого грѣха, старикъ нашъ кой какъ съ ломтя на ломоть перебивался; хотя, правда, родовое добро его, голосъ молодецкій, сталъ уже отказываться и подламываться о ту же пору, какъ и зубы, промоловъ съ лихваю два–сорока годовъ; но наживное имущество, гусли, все еще служили вѣрою и правдой безволосому и бѣлобородому, утѣшали жителей села Поищихи, со проселки и выселки, и кормили старичковъ нашихъ и сына ихъ, бѣднаго Кузю. Но теперь, послѣ того, когда старухѣ нехотя, какъ сказывалъ я вамъ, случилось поиграть на гусляхъ этихъ и впервый и впослѣдній, когда сверхъ того старички, живучи въ сырой, дряблой

землянкѣ, захворали, то пришлось было имъ пропадать совсѣмъ. Вотъ они и сложили поскребыши и осколки гуслей своихъ въ мѣшокъ, повѣсили его сыну, бѣдному Кузѣ, на шею, и послали его собирать подаяніе милосердыхъ и жалостныхъ прихожанъ; кто зналъ старика и помнилъ гусли его, тотъ–де не отринетъ и теперь, а подастъ. Ходитъ Кузя по міру, и поетъ подъ оконницами пѣсни:

Гляньте, загляньте въ дыряву котомку:
Дайте, подайте хлѣба ломоть!
Тятька гусляръ, моя мама гуслярка —
Гдѣ твои гусли, бѣдный Кузя?
Гляньте, загляньте въ дыряву котомку,
Дайте, подайте хлѣба ломоть!

Разъ какъ–то, въ воскресный день, бѣдный Кузя нашъ подошелъ позднимъ вечеромъ подъ свѣтлое оконце брусяной десятской избы, пропѣлъ пѣсенку свою, тряхнулъ осколышами гуслей въ мѣшкѣ — нѣтъ отвѣту ни привѣту, а шумъ и тары да

бары въ избѣ слышатся большіе. Подошелъ Кузя поближе, вплоть подъ окно; глянулъ — сидятъ бабы; прислушался — идутъ у нихъ толки о нечистой силѣ; про знахарей, волхвовъ, кудесниковъ, да про кіевскихъ вѣдьмъ. Всего, чего бѣдный Кузя наслушался у окна, пересказывать не станемъ; бабы дуры, подумалъ онъ и самъ, какъ отошелъ, и затянулъ туже пѣсню свою подъ другимъ окномъ — кто бабѣ повѣритъ и трехъ дней не проживетъ — одначе долго у него не выходило изъ головы, какъ бабы клялись и божились, что коли кто чары творитъ, да зажмешь въ это время пальцемъ сучокъ въ стѣнѣ бревенчатой избы, такъ пересилишь его; а еще говорили, что вѣдьму, знахаря, колдуна и всякаго, кто только спознался да живетъ съ нечистой силой, можно пригвоздить къ мѣсту и покорить себѣ на животъ и на смерть, коли приколоть булавкой тѣнь его къ землѣ либо къ стѣнѣ: бѣдняга пропалъ тогда и съ нечистымъ своимъ; будетъ моргать очами, да повертываться, что на колу, и наконецъ взмолится: *аманъ!* передъ булавкой твоей,

какъ турокъ невѣрный передъ русскимъ штыкомъ!

Бѣдный Кузя рылся какъ–то въ золѣ, въ сору и въ навозѣ, собирая кости, которыя онъ жегъ и продавалъ на ваксу и на разныя снадобья, какому–то засѣвшему въ ближнемъ уѣздномъ городѣ осколышу наполеоновской арміи, учителю всякой всячинѣ и досужему дѣлателю ваксы и помады, — какъ вдругъ къ нему, къ Кузѣ, подошелъ, отколь ни взялся, цыганъ ли, татаринъ ли какой, поглядѣлъ на него и присѣлъ на кучку навоза, будто хотѣлъ стеречи ее отъ суковатой клюки бѣднаго Кузи. Кузя поглядѣлъ на него искоса, сталъ опять разгребать соръ поодаль отъ шабра, отъ сосѣда, и смѣтилъ, что новый сторожъ, на кучкѣ сидючи, задремалъ. «Кто это?» спросилъ тогда Кузя потихоньку шальную Мотрю, которая пасла телятъ и свиней. — Неужто ты эту собаку не знаешь? — сказала Мотря шальная, это Будунтай, чортовъ пай, всѣмъ вѣдомый переметчикъ; онъ въ Вяткѣ барсукомъ изъ норы вылѣзъ, въ свояки семи шаманамъ

сибирскимъ приписался, подъ Чудовымъ въ козла оборотился, въ Вологдѣ свѣчей подавился, да кабы казанскіе татары не сняли съ него шкуры на сафьянъ, такъ бы и свѣтильня за нимъ пропала! Онъ перекинулся въ тройку бѣгуновъ, а изъ нихъ двѣ лошаденки бѣлыя, а одна голая — да и ушелъ на три стороны; ищи его! Вотъ онъ за что и слыветъ у насъ переметчикомъ, что перекидывается, собака, во что ни задумалъ! —

Бѣдный Кузя оглянулся на Будунтая, испугавшись голосистаго крика шальной Мотри — а ужъ Будунтая и нѣтъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, лежитъ только камень, а камня того кажись прежде не было. Кузя застрогалъ деревянную шпильку, подкрался къ камню противъ солнца, да и прикололъ тѣнь камня того къ землѣ. Что–то будетъ? подумалъ онъ. Долго камень лежалъ да отмалчивался, а Кузя сталъ разгребать подъ нимъ кучу навоза. Тогда и камень не утерпѣлъ: онъ перекинулся пошехонцемъ, въ поршняхъ, въ зипунѣ, съ берестовой котомокой за

плечами, и сталъ просить Кузю, чтобы онъ не ругался надъ бѣднымъ, бездомнымъ поденщикомъ, чтобы не подрывался подъ него суковатою клюкою, а вынулъ бы колышекъ, на который–де, того и гляди, либо скотина, а не то и прохожій человѣкъ, наступитъ да напоретъ ногу. Тогда Кузя нашъ догадался, что Будунтай не даромъ о колкѣ заговариваетъ, и не вынулъ его, доколѣ тотъ ни посулилъ ему за волю свою любова. «Сокрушилъ меня злодѣй! Проси чего хочешь,» сказалъ наконецъ Будунтай, а самого сердце такъ и подмываетъ; потомъ снялъ шапку, отеръ потъ съ чела полотенцомъ съ алыми шитками да со владимирскими городочками — и вздохнулъ тяжело, словно въ оглобляхъ.

— Выучи меня своему досужеству, — сталъ тогда просить бѣдный Кузя.

«Изволь;» отвѣчалъ Будунтай; «отпусти жъ меня!»

— Нѣтъ, врешь, обманешь, въ лѣсъ уйдешь, — приговаривала шальная Мотря.

«Дай задатокъ,» сказалъ Кузя; «видно Мотря шальная правду говоритъ: мужикъ

тонетъ, топоръ сулитъ, вытащишь; и топорища жаль! дай задатокъ, а не то не отпущу!» Будунтай разгребъ, не вставая съ мѣста, подъ собою кучу, досталъ горсть алтына, золота, и высыпалъ его Кузѣ въ котомку.

— Вретъ, обманетъ, въ лѣсъ уйдетъ, — приговаривала опять Мотря. «Все это хорошо,» сказалъ Кузя, «да этого мало; надо мнѣ тебя затаврить, чтобы ты не ушелъ, да окарнать, для примѣты, одно ухо; пой пѣсни, хоть тресни, а безъ помѣты не пущу; ты не курица, погавки на тебя не повяжешь — давай ухо!»

Будунтай–переметчикъ осерчалъ, сталъ браниться по своему, по вятски: «Чего *талы*(1) наторащилъ на меня, *блябла*(2)–те въ ухо, чтобъ тебя *комуха*(3) въ *ромухъ*(4) свернула! Чтобъ тебя *уроса*(5) въ *вицу*(6) изсушила, да *шоры*(7) и *сильки*(8) пупочки

(1) Глаза.
(2) Оплеуха.
(3) Лихорадка.
(4) Тряпица.
(5) Упрямца; это испорченное татарское *урусъ*, русскій. И поляки говорятъ: uparty, jak Moscal.
(6) Хворостина.
(7) Индѣйки.
(8) Цыплята.

съ себя посклевали! Бери ножъ,» сказалъ онъ наконецъ, «да рѣжь ухо!»

— Нѣтъ у меня ножа, — отвѣчалъ Кузя, — доставай свой, не то зубомъ грызть стану! —

Будунтай снялъ съ пояса складной ножъ, раскинулъ его, подалъ Кузѣ и подставилъ правое ухо.

— Лѣвое давай собака, — сказалъ Кузя, — не даромъ что–то ты его отворачиваешь! —

Будунтай подставилъ и лѣвое. Кузя ухватилъ ухо, перегнулъ его, какъ сгибаютъ сапожный товаръ, когда клюшву выкраиваютъ, вырѣзалъ ускорнячокъ угломъ, положилъ лоскутъ въ котомку, гдѣ лежали гусли, и выдернулъ изъ земли колышекъ. Будунтай только крякнулъ, всталъ, встряхнулся, въ чернаго пѣтуха обернулся и приказалъ Кузѣ приходить въ самую полночь за село, на распутье, гдѣ дороги разбѣгаются: въ лѣсъ, на водопойное озеро, да на кладбище. Самъ взмахнулъ крыльями, перекинулся рябой сорокой и полетѣлъ, какъ сороки летаютъ,

поджимая крылышки подъ мышку, да все прямо, что изъ лука стрѣла.

Бѣдный Кузя пришелъ домой, высыпалъ старикамъ своимъ пригорсть золота, сказалъ, что богатый человѣкъ беретъ его въ услуженье да въ ученье, и вотъ прислалъ–де имъ задатокъ. — Старики порадовались и потужили; сынъ покинулъ имъ отставные гусли, и пошелъ въ полночь на перепутье.

Прислонившись къ верстовому столбу, прождалъ онъ уже долгонько, стало время за полночь, а Будунтая нѣтъ. Кузя сказалъ про себя: «Не даромъ видно Мотря честила тебя; видно знаетъ она дружка! Ну да меня теперь не проведешь, отъ меня въ лѣсъ не уйдешь!» Самъ вынулъ ухо Будунтая и укусилъ его зубами. Столбъ, у котораго стоялъ бѣдный Кузя, взвизгнулъ по верблюжьи и закачался. Кузя отскочилъ въ сторону, поглядѣлъ на версту, на столбъ: «кой чортъ! ты что ли это, Будунтай?»

— Я! да чтожъ ты кусаешься, знакомъ? — сказалъ пѣгашка–столбъ; пойдемъ, что съ тобой дѣлать, пойдемъ ко

мнѣ въ науку: да только, гляди, теперь ты мнѣ слуга, поколѣ не выучишься всему досужеству моему, отъ аза до ижицы! — «А тамъ что,» спрсилъ Кузя, «какъ выучусь?» — А тамъ, — отвѣчалъ Будунтай, — на свой пай самъ промышляй; беркутъ пискленка кормитъ, а орла не кормитъ. —

Будунтай взялъ его и продержалъ въ наукѣ довольно долгое время. Какъ онъ училъ его своему художеству? спросите — да вотъ какъ: выдернетъ у него руки, ноги, самого въ комъ свернетъ — вотъ вамъ качанъ капусты; запуститъ ему руку въ глотку, по самое плечо, ухватитъ тамъ за что ни попало, вывернетъ на изнанку — вотъ вамъ ни то ни сё, ни чортъ знаетъ что. Такое ученье бѣдному Кузѣ наскучило и надоѣло; онъ сталъ проситься домой, увѣряя, что онъ уже всю науку прошелъ и всему научился. Будунтай–переметчикъ позвалъ стариковъ, родителей его, вывелъ имъ трехъ коней и спросилъ: «который вашъ сынъ?» Старикъ поглядѣлъ, да и указалъ, на удалую, на авось, среднюю.

«Нѣтъ,» отвѣчалъ Будунтай, «знать сынъ твой не доучился. Поди и приходи черезъ полгода.»

Вы знаете, ребята, что ждать полгода долго, страхъ долго; а между тѣмъ, оглянись назадъ, его уже и нѣтъ!

Старикъ пришелъ въ срокъ, а Кузя както тихомолкомъ шепнулъ ему, «укажи-де на ту кобылу, которая будетъ вертѣть хвостомъ.» Но Будунтай вывелъ ему трехъ куцыхъ куропатокъ и велѣлъ узнавать сына. Старикъ указалъ опять на какую попало — и не угадалъ. Кузя извѣстилъ отца, что въ слѣдующій разъ будетъ оправлять носомъ перышки на шейкѣ — а Будунтай вывелъ опять коней. Средній махнулъ однакоже хвостомъ, старикъ его узналъ и взялъ выученнаго сына домой. «Возьми его,» сказалъ переметчикъ Будунтай, «да слушай: береги его какъ око свое; если жъ понадобятся тебѣ деньги, то вели сыну оборотиться въ коня, веди на базаръ и продавай; да только, смотри, уздечки съ нимъ не отдавай, а сыми, да неси домой, такъ и онъ и дома будетъ.»

Колдунъ махнулъ рукой и пропалъ, словно сквозь землю провалился; — а лошади оборотились въ людей: вороной жеребчикъ въ Кузю безталаннаго, рыжая кобыла въ шальную Мотрю, а чалый меринъ никакъ въ тебя, Терешка!

Старикъ пришелъ съ сыномъ домой, дождался торговаго дня, Кузя оборотился конемъ, отецъ повелъ его на базаръ, продалъ, накупилъ сладкаго и горькаго, квашенаго и соленаго — а онъ вишь держался русской поговорки: пей кисло, да ѣшь солоно, такъ и на томъ свѣтѣ не сгніешь — накупивши всего, чтобы было чѣмъ полакомить и старуху свою, пошелъ домой, а Кузя, его сынъ безталанный, дорогою его нагналъ и они опять оба вмѣстѣ, расмѣявшись да порадовавшись, какъ ни въ чемъ не бывали, воротились домой.

А ушелъ нашъ Кузя отъ новаго хозяина своего вотъ какимъ дѣломъ: ржевскій мѣщанинъ, барышникъ, пріѣхавшій въ нашу сторону закупать лошадей, чтобы тамъ гнать ихъ на лебедянскую ярмарку,

сторговалъ и купилъ у старика гусляра караковаго коня, четырехъ лѣтъ, трехъ съ половиною вершковъ, безъ тавра и безъ отмѣтинъ, поспорилъ было съ хозяиномъ за то, что этотъ, поупрямившись, не хотѣлъ передать ему, какъ водится, поводъ новокупки изъ полы въ полу, а съ коня, не по обычаю, снялъ недоуздокъ — извѣстно, что корова покупается съ подойникомъ, а конь съ недоуздкомъ — наконецъ, однакоже, чтобы не упустить сходной покупки, на все согласился и заплатилъ гусляру деньги. Не успѣлъ этотъ отойти, а ржевскій барышникъ оглянуться на бойкую, голосистую торговку, съ которой тѣмъ часомъ молодой калмыцкій жеребчикъ стянулъ зубами головной платокъ, какъ народъ, обступивъ нашего коновала и барышника, сталъ хохотать и указывать на него пальцами. Ржевскій мѣщанинъ оглянулся назадъ — у него въ поводу не конь, а человѣкъ. Что тутъ было шуму, крику, брани, божбы и смѣху — весь базаръ разходился; казаки отняли у рыжаго коновала бѣднаго Кузю, этого отпустили, а

того прозвали полуумнымъ. Хотѣлъ онъ было итти просить — да къ кому пойдешь, и на кого? Но это слышь не все, а была еще потѣха вотъ какая: крымскій цыганъ, подкочевавшій на базаръ съ походною кузнею и увидѣвшій, что приключилось со ржевскимъ коноваломъ, разсудилъ, что Кузькино ремесло не плохой хлѣбъ и что не худо бы попытаться перенять у него доброе дѣло; загадано, сдѣлано; цыганъ продалъ тому же барышнику клячонку свою, а потомъ укралъ ее у него же изъ рукъ, передалъ товарищу, а самъ надѣлъ на себя недоуздокъ. Когда же барышникъ нашъ оглянулся, и снова увидѣлъ, что ведетъ въ поводу не коня, а живаго человѣка, только другой масти, смураго цыгана, то плюнулъ, кинулъ поводъ, перекрестился, прочелъ: съ нами крестная сила и помилуй мя Господи — уѣхалъ съ базару, и съ той поры въ Черкаскъ болѣе ни ногой. Ну его, рыжаго, къ семи Семіонамъ, обойдемся и безъ барышниковъ! Только, окаянные, цѣны портятъ, съ чужаго добра сбиваютъ, на свое

наносятъ да набиваютъ, а проку въ нихъ ни на волосъ!

Дождавшись другаго базарнаго дня, гусляръ нашъ опять вывелъ лошаденку на продажу. На грѣхъ навязался какой–то шестипалый проидоха, подпоилъ нашего старика, присударивалъ да присударивалъ и купилъ у пьянаго гусляра коня и увелъ его совсѣмъ, съ недоуздкомъ. Старикъ пришелъ домой, проспался, спохватился, да ожидаетъ сына своего, чуть ли не понынѣ.

На этотъ разъ купилъ Кузю безталаннаго самъ Будунтай. Первымъ дѣломъ Будунтая было отрѣзать у новокупки лѣвое ухо, на обмѣнъ, на выкупъ своего, котораго иверень о–сю пору еще оставался за Кузею. Размѣнявшись, оба они стали съ ушами; да ужъ отнынѣ, хоть и былъ Кузя по прежнему мастеромъ науки, въ которой искушался на выучкѣ у Будунтая, не стало ему однакоже болѣе по прежнему власти надъ учителемъ своимъ, а долженъ былъ Кузя по неволѣ ему покориться.

Будунтай, изморивши да загонявши коня новокупленнаго до бѣла мыла и задавши на немъ концевъ десятокъ другой по городу, прискакалъ домой — а домъ у него стоялъ въ чистомъ полѣ невидимкою — и привязалъ лошадь подлѣ тыну. Никакъ у тябя, Лукашка, кобыла была, изъ Букеевской Орды, что не терпѣла на себѣ въ стойлѣ недоуздка: бывало какъ ни пригонишь на нее оброть, какъ ни подтянешь его пряжкою, она дотолѣ чешется, доколѣ не скинетъ его съ головы долой. Кузя безталанный у нея знать наострился: только что Будунтай въ избу, а онъ ну чесаться щекою, задравъ голову къ верху — задѣлъ недоуздкомъ за колъ плетня, да и стащилъ ее долой съ головы, черезъ уши.

Мальчишка, сынъ Будунтая, увидѣлъ это, на дворѣ стоя, и побѣжалъ сказать отцу. Тотъ выскочивъ, пустился въ погоню за конемъ, и тутъ–то пошла потѣха: Кузя, видя что лютый барсъ его нагоняетъ, ударился объ землю, перекинулся бѣлымъ кречетомъ и взмылъ по надъ крутымъ

берегомъ рѣки. Будунтай ударился на него сизымъ беркутомъ; Кузя ринулся клубомъ объ берегъ, перекинулся пискаремъ и соскочилъ въ воду. Будунтай, таки прямо какъ мчался за нимъ, комомъ грянулся объ воду, распластавъ высокій валъ на двое, и щукою зубастой насѣлъ на хвостъ мелькавшаго серебряной чешуйкой пискарика. Кузя бѣдняга вынырнулъ стрѣлою изъ воды, сдѣлалъ, собравшись съ послѣдними силами, скачокъ въ маховую сажень, обернулся въ золотое колечко и подкатился подъ ноги гулявшей въ тѣ поры на муравкѣ побережной, княжны Милолики, дочери владѣльца той земли. Княжна Милолика подхватила колечко, надѣла его на пальчикъ и со радостнымъ удивленіемъ оглядывалась вокругъ. Будунтай вынырнулъ гусемъ лапчатымъ изъ воды, выплылъ на берегъ, встряхнулся, оборотился въ купца кашемирскаго, подошелъ къ княжнѣ и сталъ просить убѣдительно, отдать ему потерянное имъ колечко. Княжна испугалась густой черной бороды и воровскихъ, карихъ очей да

сурменыхъ бровей и чалмы кашемирца, закричала и прижала колечко къ груди своей. Сѣнныя дѣвушки да подруженьки набѣжали, окружили младую княжну свою, кинулись всѣ на неотступнаго бородача и начали его щекотать безъ пощады, до того, что названный гость хохоталъ и кашлялъ и плакалъ и чихалъ, и ногами и руками лягался, и снопомъ овсянымъ по муравѣ катался, да такая надъ нимъ бѣда прилучилася, что позабылъ было всю науку свою, черезъ великую силу опамятовавшись, оборотился онъ мигомъ въ ежа, отъ котораго дѣвушки, поколовъ алые пальчики свои, чуть ли не до крови, съ крикомъ отскочили. Пастухъ, прибѣжавшій на крикъ и шумъ, взмахнулъ долгимъ посохомъ своимъ и ударилъ свернувшагося тугимъ клубомъ ежа, и ежъ разсыпался калеными орѣхами; запрыгали орѣшки по землѣ, а дѣвки кинулись ихъ подбирать, да опять таки съ крикомъ отскочили, побросавъ все, что захватили въ лайковыя ручки свои: орѣшки не тѣмъ отозвались,

это были раскаленныя ядрышки и барышни наши по обжигали себѣ пальчики.

— А я бы рукавицы надѣлъ, да подобралъ, — сказалъ косолапый Терёшка.

«Знать ты уменъ чужимъ умомъ; ты и въ Кіевъ дойдешь, коли люди дорогу укажутъ,» отвѣчалъ сватъ; «а самъ ты, братъ, и лапы обжегши, не очень бы догадался, какъ управиться; чай стоялъ бы, вытуливъ очи, да поглядывалъ бы на диво дивное, что красноносый гусь на татарскую грамоту!»

Княжна показала царственнымъ родителямъ своимъ ненаглядное колечко, да испросила позволеніе любить его и не сымать съ пальчика своего ни день, ни ночь. Какъ только осталась она одна, то и начала играть колечкомъ: надѣла его на тонкій шитый платочекъ свой, и забавляясь покачивала, да перепускала по платочку отъ конца до конца. Вдругъ колечко както упало, покатилось, разсыпалось, и — казакъ–молодецкая душа, Кузя безталанный, стоялъ передъ княжною. Онъ убрался на этотъ разъ въ малиновый

бархатъ, да въ тонкое синее сукно. Никто въ палатахъ царскихъ не слыхалъ разговоровъ его — Княжна однакоже вышла къ браному столу и грустна и радостна, и опять таки съ завѣтнымъ колечкомъ на рукѣ. Она сказала только батюшкѣ, что сегодня–де навѣрное опять явится тотъ страшный купецъ, кашемирская борода, и будетъ просить выдачи колечка, и умоляла отца не отбирать у нея этого сокровища. Когда же и въ самомъ дѣлѣ повечеру явился купецъ, у котораго все еще не прошла икотка, послѣ вчерашней щекотки да хохотни, когда пришелъ, говорю, кашемирецъ, за потеряннымъ, будто бы, на берегу рѣки колечкомъ — то Царь–отецъ позвалъ дочь свою и приказывалъ отдать купцу кольцо: «намъ чужое добро таить–дескать не идетъ.» Княжна отвѣчала, что не смѣетъ ослушаться дорогаго родителя своего, но и не можетъ передать мущинѣ колечко изъ рукъ въ руки; а по этому и кинула его на полъ, пусть–де не прогнѣвается да самъ подыметъ. Но колечко разсыпалось мелкимъ жемчугомъ;

купецъ живо встряхнулся, перекинулся чернымъ пѣтухомъ и началъ проворно подбирать жемчужинки; а подобравши всѣ, взлетѣлъ онъ на окно, захлопалъ крыльями и закричалъ пѣтухомъ: «*Кузя–гдѣ–ты?*» да за словомъ и выпорхнулъ въ окно. Но княжна, которую нашъ Кузя видно напередъ уже подучилъ да настроилъ, кинувъ колечко, уронила въ тоже время, будто невзначай, платокъ свой, да имъ и прикрыла одну самую крупную жемчужинку. Она–то вдругъ выкатилась теперь изъ подъ платка, отвѣчала на спросъ пѣтуха, словно пѣтухомъ же: *а–я здѣся!* и ринулась соколомъ изъ окна; грянулъ соколъ съ налету — только шикнувъ крыльями по воздуху — грянулъ клубомъ въ чернаго пѣтуха, подпоролъ ему заборнымъ ногтемъ лѣвый бокъ, да черконулъ по лѣвому крылу, помялъ и поломалъ всѣ перья правильныя; упалъ камнемъ пѣтухъ за мертво въ крутоберегій потокъ и понесло его волною внизъ по рѣкѣ, по зеленой водѣ. Почернѣла и побагровѣла вода отъ пѣнистой крови; а

подрѣзанное, лѣвое крыло вскинуло и подняло вѣтромъ, оно и запарусило туда жъ по пути, внизъ по рѣкѣ, поколѣ ни завертѣло пѣтуха встрѣчнымъ теченьемъ, въ заводи — тамъ, сказываютъ сомина, чортова образина, имъ было подавился, да нѣтъ, справился, проглотилъ; не подавится онъ чай, и самимъ сатаной, не токма конемъ его подсѣдельнымъ.

Соколъ взмылъ надъ теремомъ царскимъ, впорхнулъ въ широкое окно, сѣлъ на руку княжны своей и поглядывалъ на нее ясными, разумными очами. Въ это самое время черный пѣтухъ испустилъ дыханіе свое, а ясный соколъ спорхнулъ на полъ и предсталъ въ томъ же видѣ, какъ колечко, давича передъ княжною: перекинулся молодцомъ малодецкіимъ. Со смертію Будунтая, Кузя лишился, правда, силы и умѣнья перекидываться и принимать иной образъ, да и не тужилъ ужъ объ этомъ; живучи въ довольствѣ и въ богатствѣ съ супругою своею, бывшею княжною Милоликою, вскорѣ наслѣдовалъ онъ престолъ царскій, жилъ да княжилъ,

правилъ да рядилъ, солоно ѣлъ, да кисло пилъ, стариковъ своихъ, гусляровъ, поилъ да кормилъ, а Терешкѣ косолапому велѣлъ братчиной да складчиной, насыпать песку за голенища! Держите его, дурака, ребята, держи его!»

В. ДАЛЬ